

ВАСИЛИЙ СИГАРЕВ

МЕТЕЛЬ

*Пьеса в двух действиях по мотивам
одноименной повести А. С. Пушкина.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА, или **МАША** - бледная девица семнадцати лет

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА, её мать

ГАВРИЛА ГАВРИЛОВИЧ, её отец

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, поручик

ДРАВИН - корнет в отставке, 40 лет

К.И.Т. - подруга корнета, пожелавшая остаться инкогнито

СВЯЩЕННИК

БУРМИН - молодой гусарский полковник

МОЛОДЦОВ

НАСТЯ - горничная

ПРИСЛУГА

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Ох, судьба, судьба, судьба! Вне всяких сомнений, ты самая загадочная дама на свете. Самая загадочная и самая непредсказуемая. Ты влетаешь в наши скромные стези такие свои иронии, что они оборачиваются питательной пищей для пылких умов художников слова. Иной раз и не понять: шутишь ли ты или осыпаешь нас своими странными капризами с каким-то особым, непонятным умыслом.

А может быть, тебя и вовсе нет?

Нет, есть!

Знаю, есть. Иначе твоей жестокости не было бы иного объяснения.

Эх, судьба, судьба, судьба ...

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Бал в усадьбе Гаврилы Гавриловича Р. В зале по столичному шумно и, в то же время, как это водится в кругах провинциальных помещиков, чрезвычайно весело и незаурядно. Гремит музыка. Молодые пары кружатся в вальсе. Старички сидят в углу за столом и “шалют” с фортуной по пяти копеек в бостон.

Гаврила Гаврилович и Прасковья Петровна - жена его, там же, но “шалости” с фортуной, по всей видимости, не вызывают у них того магнетического азарта, что присущ природным игрокам и игрокам преклонного возраста. Они поминутно оглядываются в сторону Марьи Гавриловны, или Маши, как мы будем ее называть, которая в свою очередь бросает взволнованные взоры на массивные двери в переднюю. Возле нее топчется миловидная девица с невообразимо пестрым веером и прелестным личиком. Она соизволила сохранить свое настоящее имя в тайне, разрешив использовать только инициалы, поэтому довольствуемся этим - К.И.Т.

Музыка грохочет. Пары кружатся. Бледная Марья Гавриловна напряженно следит за дверями, которые, наконец, распахиваются и влетает немолодой гусар при добротных усах и внушительных бакенбардах.

К.И.Т. *(Громко)*. Он?!

МАША. О, нет же! Это не он. Не Володя ... Володя совсем другой.

К.И.Т. *(Разочарованно)*. Жаль... Как жаль. Этот очень даже ничего. *(Задумчиво)*. Красивый, живой, энергичный, как шампанское. Я бы вам завидовала, милая, если бы это оказался ваш Владимир Николаевич. Ой, как бы завидовала! Жаль, что это не он ... С другой стороны, чем черт не шутит - с другой стороны мне не придется отбивать его у вас. *(Смотрит на гусара горящим взором)*. Ведь так?

МАША. Что?

К.И.Т. О! Я вижу, вы витаете в облаках, милая. Неужели, всерьез влюблены? Если это так, то я за вас безумно рада. Вернее, за нас, потому как, по всей видимости, я тоже скоро вознесусь на небеса.

МАША. О чем вы?

К.И.Т. О любви, глупенькая, о любви! Похоже, это чувство вновь посетило меня.

МАША. Я не понимаю вас?

К.И.Т. Боже, вы совсем потеряли голову. Как это мило, как прелестно, как очаровательно. Неужели, и со мной такое будет? Неужели в скором времени, и я точно также буду парить в поднебесье и не понимать смысла простых слов. Как это, должно быть, чудно ...

МАША. Помилуйте, о чём вы?

К.И.Т. Я влюбилась, Марья Гавриловна! Влюбилась только что, прямо здесь, в доме вашего батюшки!

МАША. В кого?

К.И.Т. В того самого корнета, о котором минуту назад мы с вами говорили.

МАША. Но он же ...

К.И.Т. Да, да, вы правы. Он не совсем молод, но разве любовь имеет право влюблять нас только в молодых? К тому же, среди сегодняшних кавалеров он самый юный. Может быть, не телом, но душою уж точно. Вы только поглядите на него, милая! Боже! Сколько в нём жизни! Шампанское! Настоящее французское шампанское! Веселое, игривое ... И сладкое. Я буду счастлива, если ваш Владимир Николаевич окажется таким же.

МАША. Господи, тише!

К.И.Т. Чего вы боитесь, глупенькая?

МАША. Я не боюсь. Просто ... *(Смотрит на двери)*. Ну где же он?

К.И.Т. Да, это престранно. Быть может, он вовсе не испытывает к вам ответной склонности.

МАША. Прекратите! *(Повернулась в сторону карточного стола, встретила взглядом с Праксковьей Петровной)*. Кажется, я понимаю, в чем здесь дело ...

К.И.Т. Молчите. Он идет в нашу сторону.

МАША. Кто?

К.И.Т. Корнет ... *(Нервно обмахивается веером).* Если он пригласит вас, я отравлюсь.

МАША. Что вы такое говорите?

К.И.Т. Тсс ... *(Нарочито громко.)* И как же называется та книга?

МАША *(шепотом).* Какая книга?

К.И.Т. Играйте, Боже мой! Так как, вы говорите, называется та книга?

МАША *(разволновавшись.)* Я ... я ... я не помню.

Корнет подходит к ним.

ДРАВИН. Разрешите представиться: отставной корнет Дравин. Прошу любить и жаловать. Впрочем, жаловать не обязательно.

К.И.Т. Отчего же так?

ДРАВИН. От того, пожалуй, что жалование - есть гонорар за труды чиновника, а гонорар за труды офицера - любовь.

К.И.Т. Как мило вы говорите. Верно, прочитали у Аристотеля?

ДРАВИН. Нет, у его правнука корнета Дравина.

К.И.Т. Помилуйте, вы грек?

ДРАВИН. Только в особых случаях.

К.И.Т. В каких именно?

ДРАВИН. Ну ... допустим, когда я имею намерения пригласить на вальс какую-нибудь очаровательную особу.

К.И.Т. *(потупив глазки).* И с кем же вы хотите танцевать? Нас здесь двое.

Марья Гавриловна вспыхивает.

ДРАВИН. О, в былые времена я бы потанцевал с вами обеими сразу, но, к сожалению, злоупотребление поединками и вином, лишило меня этого умения. Так что я приглашаю только вас.

К.И.Т. В таком случае, я согласна

Между тем танец заканчивается. Объявляют следующий. Снова играет музыка.

ДРАВИН. *(Маше).* Прошу-с прощения, мадмуазель.

К.И.Т. и Дравин уходят. К Марье Гавриловне подходит молодой человек с жидкими усами.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Позвольте ангажировать вас на танец.

МАША *(почти резко).* Я не танцую

Молодой человек удаляется. Маша остается одна. Опустошенным взглядом она глядит на танцующих. Потом, едва не плача, на двери. Прасковья Петровна, заметив ее состояние, покидает играющих и идет к дочери.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Отчего ты отказалась вальсировать с этим юношей, Маша? Это же сын самого Трофилина. Приличный молодой человек. С образованием, между прочим. Виды на тебя имеет некоторые. И батюшка ихней прочат тебя за него.

МАША. Зачем, маменька?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Что - “зачем”, Маша?

МАША. Зачем вы все это устроили?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Знамо дело - для блага твоего.

МАША. Ах, маменька, не нужно мне блага этого - я другого желаю!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Чего ты желаешь, неразумное дитя? Бедности? Нужды? Позору?

Маша пристально смотрит на нее.

МАША. Вот как! Значит, я не ошиблась. Значит, вы в самом деле его не пригласили.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Кого его?

МАША. Будто сами не знаете.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А вот и не знаю.

МАША. Его. *(Пауза.)* Владимира Николаевича.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Ах, этого ... Отчего же не пригласили. Гаврила Гаврилович лично просили их присутствовать.

МАША. Ах, не обманывайте меня, маменька. Это жестоко.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Бог с тобой, Маша. Так все и было. Гаврила Гаврилович изъявили свое желание видеть Владимира Николаевича на балу и сказали об этом Владимиру Николаевичу. Они, в свою очередь, обещали быть. Но вот что-то до сих пор нету ... Верно, какие-то дела задержали.

МАША. Я вам не верю, маменька. *(Ушла в другой конец залы, смотрит в окно, за которым идет снег.)*

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Ох, Господи, Господи, и пошто ты только выдумал любовь эту? Одни беды ведь от нее... Одни беды...

К ней подходит Гаврила Гаврилович.

ГАВРИЛА ГАВРИЛОВИЧ. Чего говорит?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Совсем помешалась на своем поручике. Кабы не сотворила чего с собою. Надобно Насте наказать, чтобы получше приглядывала, а то...

ГАВРИЛА ГАВРИЛОВИЧ. Чего говорит-то?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. ... Говорит, будто догадалась, что не пригласили мы его.

ГАВРИЛА ГАВРИЛОВИЧ. И пушай. Оно и к лучшему. Может, поймет в конец, что не пара он ей. Вона сколь женихов, пушай выбирает кого хотит. Для того и балу учинили.

Молчание.

И пушай. Пушай догадалась. Хоть теперича знает нашу волю.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А ежели чего сделать удумает?

ГАВРИЛА ГАВРИЛОВИЧ. Я ей удумаю!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А как сделает?

ГАВРИЛА ГАВРИЛОВИЧ. Господь с тобою, Прасковья Петровна. И думать не смей про такие страсти. От одной мысли душа индевеет. Чего токмо не родит язык твой бескостный.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Надобно Насте наказать, чтобы смотрела за нею.

ГАВРИЛА ГАВРИЛОВИЧ. Вот и накажи.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. *(Оглядываясь.)* А где же она?

ГАВРИЛА ГАВРИЛОВИЧ. Да после ж накажешь. А сейчас ужинать пора. *(Кричит.)* Кирилла! Вели ужин давать! *(Идет в столовую.)*

Прасковья Петровна направляется вслед за ним. Музыка стихает. Гости нерешительно следуют за хозяевами.

К.И.Т улыбаясь, кивает Маше и вместе с Дравиным скрывается в столовой.

Маша еще раз в тщетной надежде глядит на двери и тоже идет вслед за гостями.

Но тут двери распахиваются и вбегает горничная Настя.

НАСТЯ. Марья Гавриловна! Барышня! *(Маша бледнеет, оборачивается.)* Там, в саду Владимир Николаевич. Они велели мне просить вас не ужинать и дожидаться его здесь, покада все не усядутся.

ГОЛОС ПРАСКОВЬИ ПЕТРОВНЫ *(из столовой.)* Где Маша? Маша!

НАСТЯ *(шепотом.)* Что ему передать?

МАША. Скажи, что я буду ждать.

Настя убегает. Появляется Прасковья Петровна.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Маша.

МАША *(тихо.)* Да, маменька.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Что с тобою, Маша? Уж не захворала ли чего доброго?

МАША. Голова чего-то болит.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. От утомлению это все.

МАША. Да, да, маменька, вы правы. Я лучше лягу пойду. Ужинать не буду.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А где Настя?

МАША. Ушла постель готовить.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Накажи ей, чтобы сюда пришла после.

МАША. Хорошо, маменька

Прасковья Петровна уходит. Маша идет в середину залы. Останавливается. Смотрит вверх.

МАША. Володя, ангел мой, Володя, они не пригласили тебя, но ты сам пришел. Целый вечер я ждала тебя. Целый вечер я думала, что сойду с ума. Целый вечер я смотрела на эти проклятые двери, которые оказывается навсегда закрыты для тебя. Но ты пришел. Пришел, мой милый. *(Закрывает глаза.)* Сейчас я досчитаю до десяти и увижу тебя. *(Шепчет.)* Увижу ... раз ... два ... Почему так, Володя?.. Три ... четыре ... Они же совсем не знают тебя. Пять ... шесть ... Почему так?.. Семь ... Восемь ... Господи ... Девять ... *(Молчание.)* Десять.

Открывает глаза. Входит Владимир Николаевич в верхней одежде с заснеженными плечами. Маша делается белее снега на его плечах.

ВЛАДИМИР. Я пришел просить вас, Марья Гавриловна ...

МАША. Тихо, Володя. Дайте мне посмотреть на вас.

ВЛАДИМИР (*идет к ней.*) Нет времени, Марья Гавриловна. Нас могут увидеть.

МАША. Тихо. Тихо ... Боже, как давно я вас не видела!

ВЛАДИМИР. Неделю.

МАША. Сто лет! Целую жизнь! Даже не верится, не верится, что вы, наконец, пришли. Володя, Боже мой! Сто лет! Сто лет!

ВЛАДИМИР (*подходит, берет ее руки в свои.*) Выслушайте меня, Марья Гавриловна...

МАША. Руки ... У вас холодные руки!

ВЛАДИМИР. Это от мороза.

МАША. Дайте я их согрею. (*Подносит его руки к губам, дышит на них, целует.*) Они как две канарейки, которых забыли на крыльце в жестокие морозы. Их нужно согреть, оживить. Боже мой, Володя!

ВЛАДИМИР. Я должен вам сказать, Марья Гавриловна ...

МАША. Да, да, говорите, Володя. Я хочу слышать ваш голос. Как давно я его не слышала. Сто лет! Целых сто лет! Всю жизнь.

ВЛАДИМИР. Я хочу вас просить, Марья Гавриловна ... (*Замолкает.*)

ПАУЗА.

МАША. О чем, о чем, милый Володя?

ВЛАДИМИР. Я хочу просить вас, Марья Гавриловна, стать моей женой.

МАША (*страстно целует ему руки.*) Я согласна, согласна, ангел мой.

ВЛАДИМИР (*вырывает руки.*) Боже, вы ничего не понимаете! (*Маша пораженно смотрит туда, где только что были его ладони.*) Вы совсем ничего не понимаете ... Через три дня ... через три дня я должен буду уехать, Марья Гавриловна. Через три дня срок моего отпуска истекает и мне надлежит отбыть в полк.

МАША. Как же это, Володя?! Нет ...

ВЛАДИМИР. Да, Марья Гавриловна. И именно поэтому я пришел сегодня сюда. Пришел просить вас стать моей женой. Но не просто просить вас выйти за меня. Я пришел просить вас бежать со мною.

МАША. Боже, что вы такое говорите?!

ВЛАДИМИР. Да, да, Марья Гавриловна, бежать. Бежать от воли жестоких родителей. Тайно венчаться...

МАША. Что такое вы говорите, Володя?! Молчите! Сейчас же молчите.

ВЛАДИМИР. Нет, Марья Гавриловна, это единственный путь, единственная дорога нашему благополучию, нашему счастью. Только так мы сможем быть вместе. Только так мы сможем любить друг друга. Только так, Марья Гавриловна!

МАША. Как можете вы говорить такое, Владимир Николаевич? Прекратите. Вы пугаете меня.

ВЛАДИМИР. Господи, Марья Гавриловна, умоляю вас, дайте свое согласие. Бегите со мною.

МАША. Нет же!

ВЛАДИМИР. Но я люблю вас!

МАША. Я тоже люблю вас, Володя. Но вы требуете от меня слишком многого. Я не могу так жестоко поступить с родителями. Я не могу бросить их. Они умрут без меня, погибнут.

ВЛАДИМИР. Но я тоже без вас погибну.

Молчат. Смотрят друг другу в глаза.

МАША. Как же мне быть, Володя?

ВЛАДИМИР. Соглашайтесь. Соглашайтесь, Марья Гавриловна. Иначе нам придется забыть о существовании друг друга, чтобы не умереть от горя. Соглашайтесь, Марья Гавриловна.

МАША. Я не могу, Володя!

ВЛАДИМИР. Значит, вы готовы забыть меня?

МАША. Прекратите! Вы меня убиваете.

ВЛАДИМИР (*раздражаясь.*) Вздор! Чепуха! Вы не любите меня. Так и только так можно объяснить ваш отказ.

МАША. Нет же, Володя! Я люблю вас.

ВЛАДИМИР. Не любите! Я уйду. (*Повернулся.*) Надеюсь забыть вас прежде, чем лишусь рассудка.

МАША. Стойте, Господи! Стойте!

ВЛАДИМИР (*обернулся.*) Что еще?

МАША. Прошу вас, Володя, не будьте так жестоки со мной.

ВЛАДИМИР. Это вы жестоки, Марья Гавриловна. А я лишь бегу от вашей жестокости.

МАША. Но неужели нет другого пути?! Неужели нельзя попробовать добиться благосклонности родителей?!

ВЛАДИМИР. О чем вы говорите, Марья Гавриловна?! О какой благосклонности? Осталось три дня. Три жалких дня. И если я не смог добиться ее за полгода, то за три дня

...

Его обрывает голос Прасковьи Петровны: "Настя! Настя!" Маша испуганно глядит в сторону столовой.

ВЛАДИМИР. (*Быстро идет к выходу.*) Прощайте, Марья Гавриловна. Надеюсь, когда-нибудь вы обретете счастье.

МАША. Стойте!

Владимир замирает. Голос Прасковьи Петровны: "Настя!" Настя! Где же ты!"

МАША. Я согласна. Я буду вашей женой.

ВЛАДИМИР (*смотрит на нее.*) Тогда через три дня после полуночи я пришлю за вами готовые сани. Вы сядете в них и поедете за пять верст от Ненарадова в село Жардино, прямо в церковь. Там я буду вас ожидать.

ГОЛОС ПРАСКОВЬИ ПЕТРОВНЫ (*совсем близко.*) Настя!

ВЛАДИМИР. И еще одно: найдите надежных свидетелей, я не имею возможности. Все, кому я могу довериться, водят близкое знакомство с вашим отцом.

МАША. Хорошо ... я поняла.

ВЛАДИМИР. Прощайте. *(Скрылся за дверь.)*

МАША *(шепотом.)* Прощайте.

Из столовой выходит Прасковья Петровна.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Это ты здесь, Маша?

МАША. Я, маменька.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А где Настя?

МАША. В моей комнате, маменька.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Почему же ты до сих пор не легла? И с кем ты разговаривала?

МАША. Ни с кем, маменька ... Можно я пойду.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА *(подозрительно оглядывает дочь.)* Ступай.

МАША. Спокойной ночи, маменька.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Спокойной ночи, Маша. *(Маша уходит.)* Совсем обезумела девка. Кабы чего не выдумала. Кабы чего не выдумала...

ТЕМНОТА

ВТОРАЯ КАРТИНА

Комната Марьи Гавриловны. Высокая кровать с возвышающейся подобно пирамиде Хеопса стопочкой подушек. Зеркало, подвешенное над туалетным столиком. Полка с дюжиной книг все более романтического содержания. Шкап, створки которого распахнуты, фривольно демонстрируя внутренности, состоящие из платьев, подъюбников, кофточек, корсетов, а также более интимных предметов и даже одного шлафрока на вате.

На полу несколько узлов, завязанных очевидно дрожащей рукой. Один собран еще не окончательно и не завязан, поэтому можно без труда рассмотреть его содержимое. Это большей частью своей мелкие вещи: коробочки с украшениями, иконки, тетради (видимо, дневники.) книги и разные безделушки.

Сама же Марья Гавриловна сидит за столом и что-то пишет.

МАША *(вслух.)* Любезные мои, батюшка и матушка ... Сим писанием извещаю вас ... Сим писанием извещаю вас, что Владимир Николаевич сделал мне предложение ... и я приняла его ... *(Пауза.)* Но по причине того, что ему не удалось добиться вашего расположения, он изъявил свое желание венчаться ... тайно ... а после бежать с ним ... Не гневайтесь, любезные Гаврила Гаврилович и Прасковья Петровна, но сила чувства, которое я питаю к Владимиру Николаевичу, заставила меня согласиться. Посему, скоро я буду не вашей дочерью, а женою Владимира Николаевича ... Простите меня и прощайте. *(Вытерла глаза рукою, оглядела комнату, снова пишет.)* Прошу вас, не гневитесь на Настю. Здесь нет ее вины. Во всем виновата моя ловкость. *(Замолчала. Свернула листок пополам, сунула его между книгами на полке так, чтобы легко можно было заметить. Смотрит на образ в углу. Шепчет.)* Господи, прости мне мой грех. Прости Владимира Николаевича. Прости батюшку с матушкой. Благослови нас всех.

В это время входит К.И.Т. Маша пугается и вздрагивает.

К.И.Т. *(она в заячьей шубке.)* Не бойтесь, Марья Гавриловна, это я. Я получила вашу записку. Это правда? Это не розыгрыш, не шутка, не сон? Все то, о чем вы мне написали - это правда?

МАША *(приходит в себя.)* Что, правда? Что не сон?

К.И.Т. Ваш побег, Марья Гавриловна. Ваше венчание.

МАША. Господи, не говорите мне об этом!

К.И.Т. Но это правда?

МАША. Правда ...

К.И.Т. *(Садится на стул.)* Боже мой, Марья Гавриловна, я не ожидала от вас такого мужества.

МАША. Мужества ... Это не мужество - это безумство.

К.И.Т. Пускай, будет безумство, но оно святое, это безумство, моя милая. Безумство Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты ... Оно святое, Марья Гавриловна! Святое.

МАША *(отрешенно.)* Да, да. *(Большая пауза.)* Кто станет свидетелем?

К.И.Т. Дравин. Корнет Дравин. Помните, Марья Гавриловна?

МАША. Нет ...

К.И.Т. Как же? Бал три дня назад. Гонорар офицера - любовь. Помните?

МАША. Ах, этот.

К.И.Т. Да, да, он самый. Мой корнет. Мое шампанское.

МАША. Но он ... надежен?

К.И.Т. Надежен, моя милая. Надежен, как тульское ружье. К тому же согласился охотю. Очень рад, что вы отважились на сей героический поступок, хотя совсем не знает ни вас, ни Владимира Николаевича.

МАША. Значит, все готово?

К.И.Т. Готово, милая Марья Гавриловна, готово.

МАША. Господи, зачем вы пришли? Я так надеялась, что вы не придете и все сорвется. Но вы пришли. Зачем?

К.И.Т. Что это вы говорите, Марья Гавриловна?

МАША. Не знаю ... Не понимаю, что со мною происходит ... Мне страшно ...

К.И.Т. Успокойтесь, милая. Вам, воспитанной на французских романах, должно быть дерзкой, как Прометей. Это всякие там "синие чулки" вроде моих гадких сестер, могут пугаться подобных приключений. Мы же с вами влюблены... Влюблены!

Молчание.

МАША. *(Заплакала.)* Но мне все равно страшно. Как только подумаю о маменьке с папенькой, ужас раздирает мне сердце... Как они будут без меня? Что подумают? Что решат? Это невыносимо - думать об них. Невыносимо. *(Шепчет.)* Господи, Боженька, миленький, только бы все у них было хорошо. Только бы все было хорошо. Только бы хорошо все было.

К.И.Т. Полноте, полноте, милая. Выбросите их из головы.

МАША (*сквозь слезы.*) Как можно! Как можно! Они ведь такие ... Они ведь такие... добрые и хорошие. (*Всхлипывает.*) Как чутко они чувствовали, что последний день провожаю я посреди родного семейства. Какую нежную заботливость проявляли. Я едва не умерла, в тайне прощаясь с ними. Прощаясь с этим домом. Со всеми предметами, меня окружавшими. С моим детством, с моими воспоминаниями прощаясь, со всем дорогим и родным мне. (*Закрывает лицо руками, шепчет.*) Господи, миленький, только бы все с нами было хорошо. Только бы, только бы все было хорошо.

Замолкает. К.И.Т. гладит ей голову, ласково, по-сестрински.

К.И.Т. Все будет хорошо, Марья Гавриловна. Они поймут вас ... Позлятся, позлятся, но, наконец, будут тронуты вашим с Владимиром Николаевичем героическим постоянством и несчастьем. Будут тронуты, моя милая, вот увидите, они еще скажут: “Дети! Придите в наши объятия”. Подуются, подуются и скажут. (*Пауза.*) Непременно скажут.

МАША (*вытирая слезы.*) Да, да, поймут ...

К.И.Т. Поймут, поймут, милая. Даже станут винить себя, что, заметя вашу с Владимиром Николаевичем взаимную склонность, запретили вам думать о нем, а его принимали, нежели отставного заседателя.

МАША (*поднимает глаза на К.И.Т.*) Но поймет ли Бог?! Не проклянет ли за то, что без воли родителей нас повенчает за вознаграждение какой-то священник? Не обречет ли на вечные муки за этот грех?

К.И.Т. (*садится рядом, берет ее руки в свои.*) Разве любить и быть любимой - это грех? Разве грех - клясться друг другу в вечной любви и верности. Разве грех - немочь от чувств, видясь со своим избранником наедине в сосновой роще или у старой часовни. Это счастье, моя милая! Самое большое счастье. Самое важное счастье.

МАША. (*Неуверенно.*) Но Господь велит страдать...

К.И.Т. (*почти раздраженно.*) Кто вам такое сказал, дурочка? Кто вас так жестоко обманул? Господь - здесь! (*Прижимает ладонь к своей левой груди.*) Он велит любить! Любить страстно и самозабвенно. Он велит окунаться с головой в вечно волнующееся море, которое мы называем любовью. (*Молчит несколько секунд.*) Господь - это ваше сердце, милая. И оно сегодня велит вам покинуть родной дом и сесть в сани, присланные за вами Владимиром Николаевичем. Слушайте его, Марья Гавриловна. Его и никого более.

МАША. Но батюшка с матушкой не знают того, что говорит мое сердце.

К.И.Т. Знают, милая моя, знают. А ежели не знают, то после поймут, прозреют.

МАША. Да, да, поймут. Я написала им письмо. Я им все объяснила. В нем, в письме. Они поймут. Они чуткие.

К.И.Т. Письмо?

МАША. (*Дает листок К.И.Т.*) Письмо ... Вот же оно.

Та читает. Маша смотрит на нее с какой-то непонятной надеждой.

К.И.Т. Господь с вами, Марья Гавриловна, этого не нужно было делать. Это же улика. След. Они же сразу найдут вас. Вернут. А Владимира Николаевича засудят. Нужно сжечь его, уничтожить. Сейчас же. О, нет же! (*Подносит письмо к свече.*)

МАША. Нет же. (*Вырывает письмо, прижимает его к груди.*) Нет! Когда они найдут его, мы будем уже далеко. Мы будем уже мужем и женою. Тогда я не буду больше принадлежать им. Я целиком и полностью буду принадлежать Владимиру Николаевичу.

К.И.Т. *(встает.)* Опомнитесь, Марья Гавриловна. А ежели они обнаружат его ранее, чем состоится венчание, тогда все пропало. Все замыслы, все планы - все будет разрушено. Опомнитесь, Марья Гавриловна, уничтожьте письмо. Лучше напишите им после, когда все утрясется, уладится.

МАША. Нет же, Господи, я не могу столько времени оставлять их в неведении. Они погибнут, выдумывая себе разные ужасы, Я не могу. Я люблю их.

К.И.Т. А как же Владимир Николаевич? Вы можете погубить его этим письмом ... Как же Владимир Николаевич? Любите ли вы его?!

МАША. Люблю.

К.И.Т. Тогда решите, кого больше! Его или их!

МАША. Молчите, прошу вас, молчите! Это невыносимо, слышать такое!

К.И.Т. Но вы должны решить. И если любовь ваша к Владимиру Николаевичу менее сильна, нежели любовь к родителям, то вы не будете счастливы, Марья Гавриловна. Вы будете мучиться, страдать, терзать себя и, в конце концов, возненавидите своего мужа.

МАША. Но я люблю Владимира Николаевича! Люблю больше всего на свете. Люблю больше самой жизни ...

К.И.Т. Тогда ...

Вбегает Настя.

НАСТЯ. *(Возбужденно.)* Марья Гавриловна, барышня, беда!

МАША. *(Бледнеет.)* Господи, что же случилось?!

НАСТЯ. Барич, Гаврило Гаврилович, заметили в саду человека. Думают, разбойник. Послали Федора проверить.

Маша и К.И.Т. переглянулись.

К.И.Т. Корнет ...

МАША. Что же делать?

К.И.Т. Нужно уходить.

МАША. Да, да, правильно, уходить ... Настя, собирай вещи.

К.И.Т. *(смотрит на узлы на полу.)* Помилуйте, Марья Гавриловна, какие вещи?! Разве можно думать о них в такую минуту?!

МАША. Это приданое ... Я не могу без него.

К.И.Т. Господь с вами, Марья Гавриловна, о чем вы говорите?! О каком приданом? Нужно уходить. Сейчас же!

Пауза. Наспех завязывает узел с книгами и украшениями, поднимает его. Идет к двери.

Вот возьмите это. Одевайтесь немедленно. Вы все погубите!

МАША. Да, да ... *(Оделась, стоит посреди комнаты в замешательстве.)*

К.И.Т. Идемте же!

МАША. Сейчас ... *(Подходит к Насте.)* Прощай, Настя. Молись за душу мою грешную. Молись за батюшку с матушкой, приглядывай за ними.

НАСТЯ. *(Заплакала.)* Прощайте, барышня.

МАША. Прощай, моя комната. Прощай, моя кровать. Прощайте, мои книги. Прощай, мой дом. Прощайте все.

К.И.Т. Идемте, Марья Гавриловна.

МАША. (*Идет к двери.*) Прощайте!

Выходят. На пороге узел в руках К.И.Т. развязывается и все его содержимое сыплется на пол. Маша начинает было собирать, но К.И.Т. не дает ей.

К.И.Т. Бросьте. Нет времени. (*За руку уводит Машу.*)

Дверь закрывается. Настя, плача, распаковывает узлы. Но тут возвращается МАША.

МАША. Письмо ... Запомню оставить письмо.

Вставляет письмо между книгами. Смотрит на него. Потом выдвигает почти наполовину. Опять уходит.

НАСТЯ (*глядит ей вслед.*) Воротились ... Не будет, значит, дороги. Господи, помоги им.

Бросается на колени. Молится. А за окном раздаются первые шепоты проснувшейся метели.

ТЕМНОТА.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Маленькая хилая церквушка на окраине деревни Жардино. Одна из тех, где святые отцы причащают "на скорую руку", а по случаю промышляют тайным крещением или венчанием в духе брата Лоренцо. По углам горят несколько жалких свечей. Их пламя, временами изгибающееся под мертвым дыханием сквозняков, озаряет блаженные лики святых, которые сделались какими-то странными от этого убого света. Кажется, что они то улыбаются, то вообще смеются, обнажив желтые масляные зубы, похожие на кусочки тушеных кабачков.

В церкви Марья Гавриловна, К.И.Т., корнет Дравин и священник, на котором одеяние, требуемое при венчании.

Девушки сидят в углу. Молчат. Тишина. Только за маленькими оконцами бесчинствует метель.

Корнет стоит подле окна, прижавшись к нему лицом и руками. Смотрит. Святой отец удалился за иконостас и там чем-то гремит - похоже, ест.

А метель все кричит и кричит, словно роженица, явившая в руки повитухи мертвеца.

МАША (*негромко.*) Что же это мой ангел, Володя, все не едет и не едет ... Я так боюсь за него ... И еще этот сон ...

К.И.Т. Какой сон?

МАША (*готова заплакать.*) Плохой ... плохой сон.

К.И.Т. Какой сон? Какой, милая?

К.И.Т. бледнеет, встает и идет к Дравину. Маша закрывает лицо руками и плачет.

МАША (*замолкает, шепчет молитву.*) Прошлой ночью... Прошлой ночью мне приснилось, что Володя ... что Володя... что он умер. (*Ёжится.*) Мне было так жутко смотреть на него, лежащего на траве ... бледного и окровавленного. Было видно, что душа покидает его, а между тем ... между тем он молил меня страшным пронзительным голосом, молил меня поспешить с ним обвенчаться. Как это ужасно! Как ужасно! Я так ненавижу свои сны! Они всегда такие реальные. Такие страшные и непонятные ... Где же мой Володя?! Что с ним?! Какая беда его задержала?!

К.И.Т. (*Дравину.*) Что там, корнет? Не видно?

ДРАВИН. (*Отходит от окна.*) Ни черта! Только дьявольская метель бесится, как сумасшедшая.

К.И.Т. (*Прижимает указательный палец к губам.*) Тише, корнет, тише. Грешно поминать имя нечистого в храме Божьем.

ДРАВИН. *(Одаряет небрежным взглядом иконы.)* Деньги плочены - пускай терпят.

К.И.Т. Тс-с-с, корнет ... Стыдно перед батюшкой.

ДРАВИН. *(Усмехается.)* Перед этим ... *(Делает жест в сторону иконостаса.)* Он уже пьян, как ямщик ...

К.И.Т. *(Шепотом.)* С чего вы взяли, вовсе он не пьяный.

ДРАВИН. *(Зло.)* Не пьяный, так будет, пять рублей содрал, гад! Пройдоха! Божья свинья с бородой!

К.И.Т. *(Строго.)* Перестаньте ... Пойдёмте лучше к Марье Гавриловне. Она себе места не находит. Вся извелась. Да и мне беспокойно от этой метели ... *(Задумчиво.)* Странная она какая-то. Точно беду предвещает ... Ох, чего бы не случилось, чего бы не стряслось с Владимиром Николаевичем. Ох, не стряслось бы чего ... Ведь уже должен быть. Ведь должен?

ДРАВИН. Молчи, дурочка. Не смей при ней.

Идут к Маше, которая сидит, опустив голову и обхватив себя руками. Садятся по сторонам.

К.И.Т. обнимает её. Гладит плечо.

К.И.Т. Бедная моя девочка! Что же ты себя терзаешь? Что же мучишь? Что же так уби-ваешься? Всё будет хорошо, дитя моё. Всё будет хорошо. Осталось недолго ... Совсем недолго ... Скоро приедет ваш поручик. Должно быть, что-то задержало его в пути. Ведь такая метель ...

МАША. *(Шепчет.)* Жуткая ...

К.И.Т. Никакая она не жуткая.

ДРАВИН. Пустяковая.

К.И.Т. Вот видите - пустяковая. Корнет знает в этом толк. *(Дравину.)* Правда, милый?

ДРАВИН. *(Бодро.)* Чистая ...

К.И.Т. Вот видите, душа моя, вот видите. Скоро будет ваш поручик. Уже недолго осталось. Скоро будет. Лучше расскажите нам с корнетом о нём. Мы ведь только и знаем, что звать его Владимиром Николаевичем. Он, верно, страшно мил, раз так понравился вашему романическому воображению? *(Смеётся.)* Признайтесь, он - мил, мил, как белый почтовый голубь?

Маша поднимает голову и нежно улыбается от тёплых воспоминаний.

МАША. Он самый милый на свете, мой Володя. Он писал мне письма, когда не было случая свидеться. Я часто плакала от этих писем. Они были такие ... такие ... они прямо пылали страстию. Я просто не могла читать их спокойно - слёзы всякий раз душили меня. Он такой трогательный ... такой ... такой ... такой ... Но он беден ... *(Пауза.)* И от этого все наши несчастья! От этого все наши злоключения! Ох, если бы только он не был беден ... если бы только ... *(Плачет.)*

К.И.Т. Несчастливая девочка моя. Как, должно быть, это скверно, не иметь денег.

ДРАВИН. *(Философски.)* Да уж ... Без денег ты не человек. Без них, деточек, ты - мужик, только что при звании. *(Грустно.)* Да и какое там звание, если не можешь проиграть рубля три в бостон. Даже вон этот *(кивает головой в сторону иконостаса)* и то за "спасибо" не венчает - пять рублей сорвал, паразит! Знамо дело - напьётся! Я их, гадов, по бороде узнаю - у всех липкая от вина. Напьётся, если не уже. Пренебреженно напьётся ...

К.И.Т. Тише, корнет, тише. Побойтесь Бога. Не терзайте душу бедной Марье Гавриловне! Никакой он не пьяный, наш батюшка! И не напьётся! А деньги, что взял, так их везде берут - это на нужды церкви. *(Маше.)* А вы, Марья Гавриловна, не слушайте его. Он ведь только и согласился в свидетели, что это приключение напомнило ему прежнее время и былые гусарские забавы. Господи, что я говорю! Не слушайте меня, дурочку! Не слушайте меня, любезная Марья Гавриловна! Не слушайте! Всё у вас будет как у людей! Приличное будет венчание! Всё как у людей! И детки будут! И деньги! И дражайшие ваши родители оттают душою! Только бы ваш поручик приехал! Только бы приехал ... Ой, что я болтаю?! Конечно, он приедет. Конечно, приедет. Только вот задержался в пути ...

МАША. *(Как будто сама с собой.)* А ежели нет?

К.И.Т. Приедет, глупенькая, приедет. *(Дравину.)* Идите, корнет, подежурьте на паперти. Кабы не проскочил он церковь. Ведь метель ... Только оденьтесь ... Только оденьтесь.

Дравин молча встаёт и идёт к дверям. По пути берёт с лавки полушубок, шапку. Надевает. Уходит.

Ворвавшийся из дверей порыв ветра тушит одну из свечей. Становится ещё темнее.

И как бы по этой причине ветер начинает яростнее бесноваться за стенами. Теперь его вой ещё более страшный, ещё более душераздирающий.

К.И.Т. *(Встаёт.)* Пойдёмте тоже, моя милая. Пойдёмте, сядем в другое место ... Здесь холодно ... Вон и угол весь заиндевел ...

Маша не двигается. Тупо глядит перед собой.

МАША. Знаете, что я сейчас подумала?

К.И.Т. Что, милая? Что вы подумали?

МАША. Я вдруг подумала ... *(Молчит.)* Я подумала, что если бы мы с Владимиром Николаевичем не воспылали бы друг к другу страстию, то ... то я была б ... была б намного ... намного счастливее ...

К.И.Т. *(Снова садится рядом, гладит руки Марье Гавриловне.)* Что такое вы говорите, душа моя? Молчите, милая, молчите! Это всё от нервов у вас! От беспокойства! От этой метели страшной! Это пройдёт. Пройдёт, милая. Вот прибудет Владимир Николаевич. Повенчаетесь перед Богом и станет вам спокойнее ... Это всё от нервов. От нервов всё ...

МАША. *(Шепчет.)* Нет, подруженька моя любимая, нежная! Это оно говорит мне! *(Прикладывает руку к сердцу.)* Оно так думает! Оно знает ... Ему лучше знать! Было б лучше для нас с Володей, если б любовь не вскружила наши головы. И для батюшки с матушкой было б лучше. И для вас с корнетом. И для всего белого света лучше было бы!

К.И.Т. *(С силой жмёт Маше руки.)* Ничего оно не знает, Марья Гавриловна - оно юное, глупое! Это оно от нервов, от беспокойства, от переживаний душевных, от метели от этой ужасной!!!! И никому не худо вовсе от вашей с Владимиром Николаевичем любви! Всем даже очень хорошо. Все за вас рады ... И родители ваши любезные тоже будут рады, узнав, что вы, милая, обрели, наконец, своё счастье! Все, все рады ...

МАША. *(Смотрит на К.И.Т. умоляюще.)* Может, не нужно всего этого? Может, не нужно венчания никакого тайного? Может, домой лучше? Ведь не поздно ещё ... Ведь не поздно ... не поздно ... Быть может, потом родители смягчатся и дадут согласие на брак. Сейчас домой лучше ... А Володя поймёт, не разлюбит ... Он милый! Он умный! Он поймёт! Поймёт! Я знаю! Я знаю! Знаю я!

К.И.Т. Бедная моя девочка! А ежели всё раскроется? Ежели дражайшие ваши родители прознают про наш заговор? Тогда не видать вам больше Владимира Николаевича. Не видать больше! Выдадут вас спешно за богатого жениха - за первого встречного! Я знаю, как такое делается. Это просто ...

Вдруг её обрывает отдалённый голос Дравина на улице: “Сюда! Сюда!”
Обе бледнеют. К.И.Т. вскакивает, бежит к двери, потом возвращается.

Решайтесь, милая, решайтесь.

Маша начинает заваливаться на бок и что-то лихорадочно искать у себя на коленях.
К.И.Т. подхватывает её, держит, панически озираясь по сторонам.

МАША. *(Слабеющим голосом.)* Всё в глазах помутилось ...

К.И.Т. Это от нервов, от нервов ...

Распахивается дверь, влетает запыхавшийся корнет. На ходу скидывает шапку, полушубок. Крестится.

ДРАВИН. *(Кричит.)* Приехали!!! Приехали!!! Где поп?!

Священник выходит из-за иконостаса, поправляет туалет.

К.И.Т. *(Дравину.)* Марье Гавриловне нехорошо!

ДРАВИН. Нервное ... Пройдёт ...

Открывается дверь. Появляется молодой человек в заснеженной шубе, с поднятым воротником. Три раза осеняет себя крестным знаменем. Рассеянно оглядывается по сторонам. Лица его из-за скудного освещения не видно.

К.И.Т. Где же вы замешкались? Чуть было не уморили невесту. Но, слава Богу, приехали. А то мы уже и не знали, что подумать ...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я не понимаю ...

СВЯЩЕННИК. *(Подходит к молодому человеку.)* Прикажете начинать?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А ... Ага ... Начинайте, начинайте, батюшка ...

Дравин помогает К.И.Т. поднять Машу. Все подходят к аналою.

Пламя свечей по углам испуганно трепещет.

Тени выплывают на стенах какие-то шаманские танцы, словно души мертвецов, которых когда-то отпели в этих самых стенах.

А метель всё орёт и орёт, как животное после неточного удара мясника.

СВЯЩЕННИК. *(Дравину.)* Свечи надобно ...

ДРАВИН. *(Машет рукой.)* Так ... Так венчайте, не удержит она. Сама еле стоит.

Святой отец неуверенно смотрит на К.И.Т., потом на жениха. Потом снова на К.И.Т.

К.И.Т. *(Шепотом.)* Венчайте, батюшка ... Дурно ей.

Священник идёт к алтарю и начинает нараспев: “Благослови, Бог наш. Всегда. Ныне. И при-сно. И во веки веков. Аминь”.

ДРАВИН. Покороче, святой отец - в обмороке невеста.

СВЯЩЕННИК. Как прикажете. *(Берёт кольцо. Подходит к молодым.)* Обручается раб Божий ...

К.И.Т. *(Негромко.)* Владимир ...

СВЯЩЕННИК. ... Владимир рабе Божьей ...

К.И.Т. Марии.

СВЯЩЕННИК. ... Марии. Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь. *(Дает жениху кольцо.)* Обручается раба Божья Мария рабу Божьему Владимиру. Вот имя Отца, Сына и

Святого Духа. Аминь. *(Надевает кольцо Маше на палец. Крестит жениха и невесту.)* Господи Боже наш. Венчаю вас славой и честью. Господи Боже наш. Венчаю вас славой и честью. Господи Боже наш. Венчаю вас славой и честью. *(Молчит.)* Отныне вы муж и жена перед лицом Бога и свидетелей. Поцелуйтесь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. *(Протягивает священнику кольцо.)* Я ... Я ... Я ...

ДРАВИН. *(Весело.)* Не робейте, поручик, целуйте.

К.И.Т. *(Марье Гавриловне.)* Всё кончилось, милая, поцелуйте мужа.

Маша пристально смотрит на молодого человека, который стоит неподвижно, как соляной столп. Потом она начинает что-то лихорадочно говорить, но губы её открываются беззвучно, словно у рыбы. Наконец она дико кричит: “Не он!!! Не он!!! Не он!!!” Вырывается из рук корнета и К.И.Т., пятится, падает на спину и замолкает. Воцаряется гробовая тишина.

Даже метель стихает, заинтриговано прислушиваясь к происходящему.

Все ошарашено глядят на молодого человека, который идёт спиной к двери и медленно скрывается за ней.

(Шепчет.) Господи, что же это? Господи ... *(Подбегает к Маше, пытается её поднять.)* Марья Гавриловна, голубушка ... Марья Гавриловна ... Марья ... Маша! Машенька!!! Вставайте!!! *(Дравину.)* Корнет, помогите же!!!

ДРАВИН. *(Помогает; испуганно.)* Теперь-то что? Теперь-то что?

К.И.Т. Домой её надо ... Домой ... Никто ни о чём не знает. И мы молчать будем. Только письмо к родителям надо в огонь. В огонь его ...

Ведут Машу к выходу.

МАША. Куда мы? Куда? Где он?

К.И.Т. Домой, ангел мой ... Домой ... Вы ведь сами хотели, милая. Сами хотели.

МАША. *(Пытается сопротивляться.)* Где мой Володя? Где он?

К.И.Т. Нет его. Нет его.

Исчезают за дверью

Священник остаётся один. Какое-то время он стоит, как вкопанный. Затем идёт, задвигает завесы и садится на лавочку.

СВЯЩЕННИК. Уехали ... *(Вздыхает.)* Играют с Богом как дети малые, а он всё видит ... Всё видит ... И наказывает ...

ТЕМНОТА.

ЗАНАВЕС

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Спустя три года.

Бальная зала в одной из усадеб Н-ской губернии. Царит всеобщее оживление. Дамы в богатых платьях, кавалеры во фраках. Все нервно переговариваются и поглядывают на себя в зеркала. Одним словом, ожидают появления кого-то знатного, особенного, желанного. Тут же находится и Марья Гавриловна. При ней Прасковья Петровна и две девицы с модными прическами и более чем вызывающим декольте. Марья Гавриловна менее бледна, чем обычно мы привыкли ее видеть и кажется заинтересована происходящим не более хороших музыкантов. Она выглядит повзрослевшей и поглубевшей чертами с момента последней нашей встречи. Но нет в том ничего удивительного, потому как прошло три года с тех пор, как судьба сделала ее жертвой своей жестокой шутки.

Наконец, кто-то кричит: “Идут! Идут!”

Хор играет марш.

Входят несколько офицеров. Все как один бравые, возмужавшие на бранном воздухе, обвешанные крестами.

Дамы разом делаются бледными.

Кавалеры во фраках пытаются придать своим телам армейскую выправку, что, надо признаться, им не очень удается.

1-я ДЕВИЦА (*возбужденно.*) Вон тот улан со шрамом на щеке - это Молодцов, сын покойного Петра Петровича. Говорят, очень способен по части женских сердец. И собою недурен, как видно. До войны часто бывал у нас. Карты уважает, угощения...

2-я ДЕВИЦА. А рядом? Справа? Кто таков?

1-я ДЕВИЦА. (*Смотрит.*) Который?

2-я ДЕВИЦА. С тростью.

1-я ДЕВИЦА. (*Бросает многозначительный взгляд в сторону Марьи Гавриловны.*) Ах, этот ... Ничего особенного. Птичья такая фамилия, то ли Курочкин, то ли Куропаткин. Прожила. Перед войною промотал все наследство. Теперича почти без гроша ... Лучше поглядите на того, что с перевязанной рукой и Георгием в петлице. Это Бурмин. Ему двадцать шесть лет. Некогда был ужасным повесою и грозой местных Артемид. Но молва уверяет, что остепенился и теперь нрава тихого и скромного, во что верится, правда, с превеликим трудом.

2-я ДЕВИЦА. Отчего же?

1-я ДЕВИЦА. Как же отчего ... Вы только посмотрите какие хищные взоры метает он по женским шеям и плечикам. Прямо голодный тигр в центре стада антилоп.

2-я ДЕВИЦА. Вы несправедливы к нему, моя дорогая. По-моему, он уже выбрал объект своих притязаний.

1-я ДЕВИЦА. И кто же это?

2-ДЕВИЦА. Как ... Вы еще не догадались?

1-я ДЕВИЦА. Помилуйте, не томите.

2-я ДЕВИЦА. Но это же очевидно. Ей и только ей посвящен этот взгляд.

1-я ДЕВИЦА. Но кто же она, эта счастливица?

2-я ДЕВИЦА. (*шепотом.*) Марья Гавриловна...

1-я ДЕВИЦА (*глядит на Бурмина.*) Бог мой! Вы правы. Он буквально испепеляет ее.

2-я ДЕВИЦА. Не пройдет и дня, как он мобилизует свои любовные умения и тогда ...

1-я ДЕВИЦА. Тогда ее бастионы капитулируют
Вторая громко хихикнула.

МАША (*строго.*) Я не нахожу ваше замечание достаточно приличным.

1-я ДЕВИЦА. Какое именно?

МАША. Касаемое моей персоны.

1-я ДЕВИЦА. Я что-то не упомяну, чтобы мы поминали вас в нашей беседе.

МАША. Тогда попрошу и впредь не делать этого.

1-я ДЕВИЦА. Я вижу, вы настроены скандализировать. Раз так, мы вынуждены избавить вас от нашего общества. (*Второй.*) Пойдемте, дорогая. (*Прасковье Петровне.*) Бонжур.

Уходят в другой конец залы.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Зачем ты нагрубила им, Маша?

МАША. Я не позволю шутить над моей памятью.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Над чем?

МАША. Пустое ... Пойдемте отсюда, маменька. Все это не по мне. Эти люди, эти сплетни, эти ... Все это.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Но Маша ... Ты просто отвыкла. Мы никуда не ходили со смерти Гаврилы Гавриловича.

МАША. И правильно делали. Пойдемте, маменька.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Ты разбиваешь мне сердце, Маша! Сколько можно жить отшельниками? Я уже стара. Так стара, что чувствую, как костлявая наступает мне на подол платья... И Гаврила Гаврилович вот зовут к себе. Но я не могу умереть, покуда не разрешилась твоя судьба. Я должна принести ему на небеса хорошие известия.

МАША. Не говорите мне про Судьбу, маменька! Я ненавижу ее!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Как смеешь ты говорить такое, глупое дитя?!

МАША. Смею! После всего, что она сделала со мною, смею.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Чего же такого она сделала с тобою, что ты говоришь так?

МАША. Сделала ... Пойдемте отсюда.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Нет. Мы никуда не пойдем. Общество не одобрит таких капризов.

МАША. Меня не интересует мнение этого общества.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Тсс... Кажется, сейчас состоится первое знакомство.

МАША *(взволнованно.)* Уйдемте, маменька.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Стой!

К ним подходят хозяин и Бурмин.

ХОЗЯИН. Прасковья Петровна, разрешите представить вам Владимира Владимировича Бурмина. Герой войны, полковник. Имеет честь пребывать в отпуску в своем поместье по соседству с вашей деревней.

Бурмин кланяется. Хозяин уходит.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Позвольте познакомиться вас с моей дочерью.

БУРМИН. Буду очень благодарен.

МАША *(сухо.)* Марья Гавриловна.

БУРМИН. *(Целует ей руку.)* Владимир Владимирович

МАША. *(Прасковье Петровне.)* Мне душно, маменька. Позвольте, я подожду вас на улице?

ПАУЗА.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Хорошо, Маша. Иди.

МАША. *(Бурмину.)* Прошу прощения. *(Уходит.)*

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Вы не обиделись на нее?

БУРМИН. Нет, нет, я ее понимаю.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Мы здесь совсем недавно. Как схоронили нашего батюшку Гаврилу Гавриловича, так и оставили Ненарадово.

БУРМИН. Ненарадово?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Вам знакомы наши места?

БУРМИН. *(задумчиво.)* Ненарадово ... Нет, не припомню что-то ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Какая жалость. А я было подумала, что вы были там и порадуете бедную старуху какою-нибудь приятной вестию. Ой, что это я? Совсем стыд потеряла. Вы верно желали общества моей дочери, а вынуждены находиться с моею нудною персоною.

БУРМИН. О нет, что вы! Ваше общество мне приятно.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Это вы из вежливости ...

БУРМИН. Надо признать, что отчасти. Ваша дочь мила, и я был бы счастлив ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Тогда нет ничего проще. Я буду рада видеть вас у нас на обеде в воскресенье.

БУРМИН. Но ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Марья Гавриловна тоже будет рада.

БУРМИН. Но ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Ежели вы откажетесь, это разобьет сердце бедной девочки. И мое.

БУРМИН. Согласен. Конечно, согласен. Но боюсь, ваша дочь ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Не обращайтесь внимания на сегодняшнее ее поведение. Мы так давно не были в обществе, что она забыла, как надлежит держать себя... Так вы будете у нас?

БУРМИН. Буду.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Тогда я бегу обрадовать Машу этой приятной новостью. Прощайте ...

Окрыленная уходит.

К нему подходит Молодцов.

МОЛОДЦОВ. Гиблое дело ...

БУРМИН. Что?

МОЛОДЦОВ. Ты идешь на заранее проигрышный вист, полковник.

БУРМИН. Я не понимаю тебя. Потрудись объясниться.

МОЛОДЦОВ. Эта девица неприступна, как Камелот. Еще до войны она была чрезвычайно влюблена в одного бедного поручика. Кто таков и что за птица, история умалчивает. Известно только, что родители ее были против их отношений по причине его материальной слабости. Верно, был бесталанным игроком, что, надо признать, нередко среди нашего брата.

БУРМИН. И что же?

МОЛОДЦОВ. *(Усмехается.)* А далее туман. Роман их разрешился при весьма странных обстоятельствах. Барышня эта сильно заболела и родители ее решили, будто бы причиною тому этот поручик. Чтобы не испытывать судьбу, дали согласие на их брак. Но получили от него полусумасшедшее письмо. Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою. В общем, странный тип ...

БУРМИН. А дальше?

МОЛОДЦОВ. А после он исчез. Говорят, несколько месяцев спустя было его имя в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородиным. А еще позже среди умерших в Москве накануне вступления французов. Так что, с одной стороны дорога как бы и свободна, но с другой - все, кто отваживается ступить на нее, натывается на призрак бедного поручика. Вот и ты, Бурмин, обязательно столкнешься с ним, с этим призраком.

БУРМИН. Есть и другие призраки на этой дороге.

МОЛОДЦОВ. О таких не ведаю.

БУРМИН. Уверю тебя, есть.

МОЛОДЦОВ. Ну, вот видишь, ты и сам уверен в несостоятельности твоей затеи. По сему - лучше отказаться от нее.

БУРМИН. Поверь мне, нет никакой затеи.

МОЛОДЦОВ. Тем лучше.

БУРМИН. Лучше?

МОЛОДЦОВ. Ну да, лучше. На сегодня намечается неплохая партия. Видишь тех двух прелестных созданий? *(Кивает в сторону девиц, которые ранее были рядом с Марьей Гавриловной.)*

БУРМИН. Вижу.

МОЛОДЦОВ. Так вот. Они не имеют ничего против, чтобы сегодня устроить поэтический вечер в моем поместье.

БУРМИН. И что же требуется от меня?

МОЛОДЦОВ. Ты меня поражаешь, Бурмин!

БУРМИН. Нет, право я даже не догадываюсь о смысле твоих намеков.

МОЛОДЦОВ *(смеётся.)* Хитрец! Каков хитрец!

БУРМИН. Помилуй, это правда.

МОЛОДЦОВ. Вот дьявол! Ты сущий дьявол, Бурмин!

БУРМИН. Но говори же!

МОЛОДЦОВ *(перестал смеяться, настороженно смотрит на Бурмина.)* Ты не шутишь?

БУРМИН. Нет же.

МОЛОДЦОВ. И рука у тебя не болит?

БУРМИН. Нет.

МОЛОДЦОВ. Тогда я совсем не понимаю тебя ...

БУРМИН. Но говори же.

МОЛОДЦОВ. Мне нужен компаньон.

БУРМИН. Ах, вот в чем дело. Так бы сразу и сказал. А то напустил туману, понимаешь.

МОЛОДЦОВ. Ну ... Твой ответ.

БУРМИН. *(долго не отвечает.)* Пожалуй ... пожалуй, я откажусь

МОЛОДЦОВ. Что?

БУРМИН. Не гневайся, брат, но сегодня я - пас.

МОЛОДЦОВ. Это все из-за той мрачной особы?

БУРМИН. С чего ты взял? Нет.

МОЛОДЦОВ. Тогда отчего?

БУРМИН. Просто я устал и хочу отдохнуть. Возьми кого-нибудь другого. Соколова, к примеру

МОЛОДЦОВ. Хромого?!

БУРМИН. Ну да, а чем он плох?

МОЛОДЦОВ. Не издевайся, Бурмин!

БУРМИН. Прости.

ПАУЗА.

МОЛОДЦОВ. Так ты идешь?

БУРМИН. Нет.

МОЛОДЦОВ *(разозлившись.)* Ты глуп, как младенец. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

БУРМИН. Прости, Молодцов ...

МОЛОДЦОВ. К черту ... *(Уходит.)*

БУРМИН. *(оставшись один, вслух.)* Может быть, нужно было согласиться, раз уж все равно столь грозные призраки стоят на нашей дороге ... Хотя ... Хотя прав Молодцов. К черту ...

ТЕМНОТА

ПЯТАЯ КАРТИНА

Гостиная в доме ныне покойного Гаврилы Гавриловича. Окна распахнуты. За ними белый, цветущий, яблоневый сад. Укрывшись в свадебных кружевах деревьев, сладкоголосые соловьи нежно трогают сердца своих подруг, исполняя на своем птичьем наречии свои странные птичьи романсы. Все вокруг цветет, искрится, благоухает. И это благоухание вероломно вползает в гостиную через распахнутые окна, крадется по полу, струится по стенам, заполняет собой каждый уголок, каждую щель, обволакивает каждый предмет, околдовывает каждого обитателя.

В центре гостиной стол, за которым Марья Гавриловна, Прасковья Петровна и Бурмин. Только что отобедали и наступила та самая решительная минута, когда-либо переходят к активным действиям, либо откланиваются.

БУРМИН. *(прочистил горло.)* Пожалуй, мне пора ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Как? Уже? А чай? Вы же еще не отведали чаю.

БУРМИН. Давайте, отложим чай на другой раз.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Нет ... И речи не может быть об этом. Без чаю я вас не отпущу.

МАША. Маменька, будьте милостивы, не принуждайте человека.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я никого не принуждаю. Владимир Владимирович, вы выпьете с нами чаю?

БУРМИН. Выпью, пожалуй.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Вот видишь, Маша, Владимир Владимирович хотят чаю. А ты могла лишить его этого удовольствия.

МАША. Простите, Владимир Владимирович.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Так я пойду и приготовлю?

МАША. Вы?!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я. А что?

МАША. Но вы же, маменька, никогда не готовили чай.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Готовила ... Всегда готовила.

МАША. Не обманывайте, маменька.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Господь с тобой, Маша, разве я обманывала тебя когда-нибудь?

Маша не отвечает.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Так я пойду?

БУРМИН. Идите, Прасковья Петровна.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Маша, займи гостя.

Уходит, бросив на прощание короткий взгляд Бурмину.

Маша и Бурмин долго молчат, смотрят в пол.

В небе за окном облако наплывает на солнце. Становится темнее. Птицы в саду смолкают.

МАША. Зачем вы пришли?

ПАУЗА.

БУРМИН. Не знаю ... Что-то в вас заставило меня ...

МАША. Что именно?

БУРМИН. Не могу сказать ... я ... у меня ... мне кажется, что мы с вами когда-то встречались, может быть, в прошлой жизни. На Востоке верят, что после смерти души не обретают райского блаженства или адских мук, а воплощаются в новые формы, в новые существа.

МАША. Я верю в райские блаженства и, в особенности в адские муки.

БУРМИН. Да, да ... я тоже.

МАША. И все же, зачем вы пришли?

БУРМИН. Не знаю ...

МАША. А может быть, знаете. Может быть, вы пришли, чтобы восторжествовать над печальной верностью девственной Артемиды. Вам ведь известна моя история.

МОЛЧАНИЕ.

Известна?

БУРМИН. Известна...

МАША. Тогда какие же ужасные помыслы вас принесли сюда?

Бурмин молчит.

Отвечайте, Господи!

БУРМИН. *(встает.)* Мне лучше уйти. Мое присутствие расстраивает вас, Передайте Прасковье Петровне мои извинения.

МАША *(хватает его за руку, потом, словно ошпарившись, отпускает.)* Стойте!

Бурмин замирает.

Прошу вас, не уходите. Я не знаю, что со мною. Все это как долгий, бесконечный кошмарный сон. Вы сказали, что знаете мою историю. Но вы не знаете ее. Никто не знает. Даже я сама. Порою мне кажется, что мое воспаленное воображение всего лишь выдумало ее. Но, увы, это правда. Жестокая холодная правда. Правда, которая делает меня несвободной ни для вас, ни для кого бы то ни было. Правда, которая сидит вот здесь, в моем сердце, в моей голове и даже там, на небе, и которая убивает меня. Убивает медленно, как проказа.

БУРМИН. Я не понимаю вас, Марья Гавриловна.

МАША. И не нужно, Господи! Но вы же почувствовали *что-то*? Вы же сказали ...

БУРМИН. Я почувствовал это еще на балу.

МАША. Боже мой! Боже мой! Три года ... три года с замиранием сердца я ждала этой страшной минуты! Три года я мучилась от мысли, что когда придет то самое, настоящее, мне придется сказать ...

БУРМИН. Молчите, прошу вас ...

МАША. ... Но мне придется.

БУРМИН. Почему же, Господи?!

МАША. Не спрашивайте.

БУРМИН. Но ...

МАША. *(Шепотом.)* Не спрашивайте, умоляю! Не спрашивайте...

МОЛЧАНИЕ.

Дайте мне вашу руку.

Бурмин протягивает здоровую ладонь. Маша бережно берет ее двумя руками.

У вас сердце стучит громко и взволнованно. Вот здесь, прямо между пальцами. Значит, вы живой, настоящий ... И руки у вас живые. С сердцем и душою. Как маленькие человечки. И они также как мы мучаются и страдают, когда не могут прикоснуться к чему-то такому же, живому и настоящему. Вот как другая ваша рука, она не может этого сделать, потому что перевязана, от того и болит. Точно такая же преграда и между нами. Черная и бесстрастная, как эта материя.

По мере того, как Маша говорит, Бурмин подносит ее руки к своим губам и нежно целует их.

Маша, заметив этот его жест, резко вырывается, испуганно вскакивает со стула, роняя что-то на столе. Пятится.

Нет же, Господи! Нельзя этого! Нельзя! Господь смотрит за мною. Он испытывает меня. Он не позволит. Он накажет. Уходите ... Стойте! *(Закрывает лицо руками.)* Я не знаю, что делать. Я не знаю, что лучше: пройти через муки ада и чистилище, или быть несчастною здесь, на этой земле. Скажите мне, Господи! Скажите...

БУРМИН. Марья Гавриловна...

МАША. Нет, молчите. Пускай все будет так, как есть. Уже поздно что-либо менять. Если сейчас я отдамся чувству и скрою от вас всю правду, мы не будем счастливы. Или, что хуже, станем несчастнее вдвойне. Господь накажет меня. И вас тоже. Я не имею права связывать вашу судьбу с моею. Моя судьба зла и жестока, как Геката... И все что я смею - это уберечь вас от нее. А теперь уходите.

Бурмин не двигается.

Уходите, Господи! Каждая минута рядом с вами покрывает мое сердце бесчисленным множеством страшных рубцов.

БУРМИН. Я не уйду, пока не узнаю, что за призрак терзает вас.

МАША. Призрак, у которого нет горящих глаз и алчущей пасти, но который ужаснее всех других призраков на свете в миллион раз.

БУРМИН. Но скажите же, умоляю!

МАША. Нет.

БУРМИН. Господь свидетель, это останется между мною и вами.

МАША. Нет же! Уходите. Не мучьте меня.

БУРМИН. Хорошо. Я все понял. Я ухожу.

МАША. Уходите, будьте милосердны.

БУРМИН. *(Пошел к двери.)* Прощайте.

МАША. *(Подбежала к нему.)* Стойте! Дайте мне еще раз вашу руку. *(Взяла его ладонь, прижала к своей щеке.)* Сердце ... как тяжело и беспокойно бьется в ней сердце, словно в кузне молот стучит о наковальню. Мне больно ощущать это биение. Мне больно сознавать, что я не смогла сделать вас счастливым. Но на то воля рока. Злого, беспощадного и неумолимого. Я буду счастлива, если когда-то это сердце забьется ровно и спокойно, но не сейчас. Сейчас это невозможно. Так же невозможно, как остановить время или заставить Господа отменить свои жестокие законы. Это невозможно ... Невозможно ...

Отпустила руку, отошла, села на стул.

Прошу вас, умоляю, простите меня ... Простите.

Не сказав ни слова, Бурмин вышел.

Маша закрыла лицо руками, плачет.

Спустя несколько минут входит Прасковья Петровна с подносом в руках.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А где?.. Что с тобою, Маша?

МАША *(поднимает на нее заплаканные глаза.)* Он уехал?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА *(ставит поднос на пол, бежит к окну, смотрит.)* Уехал.

МАША. Господи ... За что, Господи?!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА *(растерянно.)* Послать за ним?

МАША. Нет! Нет, маменька!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА *(испуганно.)* Что с тобой, дитя мое?!

МАША. Это проклятие, маменька!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА *(обнимает Машу.)* Что ты говоришь, Маша?!

МАША *(рыдает.)* Я проклята! Господь проклял меня! Он отнял у меня все! Он сделал меня самым несчастнейшим созданием на свете!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Тихо, девочка моя, тихо. Все будет хорошо.

МАША. Нет, маменька! Уже ничего не будет. Господь не забирает свои проклятия назад. Я проклята. И это останется со мною до конца дней.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Нельзя так говорить, Машенька, нельзя.

МАША. Но он проклял меня ... Проклял ...

МОЛЧАНИЕ.

Почему же тогда он не вырвал из меня сердце, чтобы я не могла больше любить? Почему, маменька, почему?..

ТЕМНОТА

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Прошла неделя.

Пред нами сад, мокрый от дождя, словно природа все это время безутешно скорбела над чем-то. Под ивою у самого пруда белая скамеечка. На ней в белом платье Марья Гавриловна с раскрытой книгой на коленях. Взгляд ее усталых глаз, с темными кругами под ними, устремлен куда-то в пустоту, будто высматривая там то самое, над чем так долго плакало небо. И сколько времени сидит она вот так, никто не знает. Даже она сама.

Потому, может быть, и не сразу замечает Бурмина, который подходит к ней сзади. А когда замечает, вздрагивает и делает жест, словно собирается бежать.

БУРМИН. Нет, Марья Гавриловна, прошу вас, не уходите. Обещаю, я не буду вас больше терзать. Все закончилось. Если может закончиться то, что я испытывал к вам. Не уходите, умоляю. Это последняя наша встреча.

МАША. Отчего же так?

БУРМИН. Я уезжаю. Уезжаю в полк. Уезжаю навсегда. Сейчас немедленно. И обещаю вам, что впредь вы никогда не увидите меня и даже не услышите обо мне. Но прежде выслушайте...

МАША. Что же еще вы не сказали мне?

БУРМИН. Многого...

МАША. Что же именно?

БУРМИН. Я хочу, чтобы вы знали ... Боже мой! Боже мой, как это невыносимо. *(Замолчал.)*

МАША. Но говорите же.

БУРМИН. Вы видите, я снял с руки повязку, но она по-прежнему не обрела счастья.

МАША. И только за этим вы пришли?

БУРМИН. Нет же, нет! Я пришел, чтобы сказать вам, что та преграда, о которой вы говорили мне, не единственная. Есть еще одна, другая, может быть, более непреодолимая. И что за глупое я создание, раз забыл о ней, влюбляясь в вас. С самого начала мы не могли быть вместе. С самого начала все было обречено. Но я, идиот, позволил своему сердцу полюбить. Посмел мучить вас

Появляется Молодцов.

МОЛОДЦОВ. Бурмин, ты идешь? Лошадям не терпится.

БУРМИН. Да, иду. Уже иду.

Молодцов уходит.

Простите меня, Марья Гавриловна. Простите, что по своей глупости причинил вам столько страданий. Мне будет спокойнее, если вы возненавидите меня и забудете. А теперь прощайте.

МАША. Но что это за преграда?

БУРМИН. Поверьте, вам лучше не знать.

МАША. Нет, скажите.

БУРМИН. *(смотрит ей в глаза.)* Я женат.

МАША. Что?!

БУРМИН. Да, я женат! Женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь.

МАША. Но может ли быть такое?

БУРМИН. Может, Марья Гавриловна, может. Вы же сами говорили, что судьба порою бывает зла и жестока. Точно такую же она была и со мною, но в том лишь моя вина. *(Замолчал.)*

МАША. Но продолжайте же.

БУРМИН. Боюсь, нет времени. Я должен ехать.

МАША. Это подождет. Однажды один человек точно также торопился и в итоге многие стали несчастными. Продолжайте, я расскажу после ...

БУРМИН. Воля ваша. Я расскажу. Правда, я смутно помню, где это было. Знаю единственное, что случилось это в начале двенадцатого года и спешил я тогда в Вильну, где стоял наш полк. Помню, прибыл я на какую-то станцию поздно вечером и велел было закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель ...

МАША. Метель?

БУРМИН. Да, жуткая метель, какой прежде мне никогда не доводилось видеть.

МАША. Что же дальше?

БУРМИН. Смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное чувство, странное беспокойство овладело мною. Казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем, метель не унималась, я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены, ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу и таким образом мы оказались в незнакомой стороне. Я уже приго-

товился к худшему, когда заметил огонек и велел ехать туда. То была церковь ... Маленькая деревянная церквушка, в каких святые отцы не брезгают тайным венчанием.

МАША. Господи...

БУРМИН. Что с вами, Марья Гавриловна? Вам не хорошо?

МАША. Нет, продолжайте.

БУРМИН. Я не могу. Мой рассказ больно ранит вас.

МАША. Продолжайте, умоляю.

БУРМИН. Хорошо ... Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней. По паперти ходил человек. Он позвал нас. Я велел ямщику подъехать, выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу. Другая терла ей виски. То ли от мороза, то ли еще от чего, я едва соображал, что делаю. Меня о чем-то спрашивали - я отвечал. Потом нас венчали... Быстро так, бесцеремонно, словно это был не поп, а палач.

ПАУЗА.

Потом ... предложили поцеловаться. Я колебался. Свидетели настаивали. И когда я хотел было ее поцеловать, она увидела мое лицо и... Только тогда я понял, что меня приняли за другого. Свидетели стояли как ошпаренные. Жена моя лежала на полу без памяти. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и приказал ехать.

МАША. Господи! И вы не знаете, что случилось с бедной вашей женою?

БУРМИН. Не знаю. Не знаю, как зовут деревню, где я венчался, не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко, и которая теперь так жестоко отомщена.

МОЛЧАНИЕ.

Теперь, когда вы все знаете, я должен уйти. Мы никогда не могли бы быть вместе. Никогда ...

Пошел прочь.

МАША (*слабым голосом.*) Деревня та называлась Жардино ...

Бурмин застыл.

И рука, с которой снята повязка, обретет счастье ...

БУРМИН. (*повернулся.*) Господи ...

МАША. Господи ...

БУРМИН. Вы ...

МАША. Я.

И они бросились друг к другу, чтобы сплестись в самом прекрасном объятии на свете. Объятии не двух несчастных любовников, а объятии мужа и жены.

И в это мгновение ангелы заплакали на небе от счастья.

И пошел дождь.

Ох, судьба, судьба, судьба! Прости, что так жестоко клеветал на тебя ... Воистину, ты самая удивительная дама на свете. Самая удивительная и прекрасная...

**ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС
КОНЕЦ**